
Edwin Bell
Прибалтийский синдром. Книга первая. Черновик
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Edwin Bell

Прибалтийский синдром. Книга первая. Черновик

«Автор»
2026

Bell E.

Прибалтийский синдром. Книга первая. Черновик / E. Bell — «Автор», 2026

Конец 90-х. Небольшой литовский город Кедайняй. Восемнадцатилетний Роман живёт обычной жизнью старшеклассника: школа, друзья, первые отношения, сложные, но привычные семейные разборки. Отец занят бизнесом, мать преподаёт, старшая сестра уехала в Каунас, брат пытается найти своё место.Всё меняется, когда начинается серия жестоких убийств, направленных против Романа. Преступления выглядят продуманными и демонстративными.Пока полиция ведёт расследование, вокруг сгущается атмосфера страха и подозрений. Роман пытается понять, кто стоит за происходящим и почему именно их семья оказалась в центре кровавых событий. Обычная жизнь стремительно рушится и приближается страшная развязка.

© Bell E., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Вступление 6
Глава 1 8
Глава 2 15
Глава 3 18
Глава 4 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Edwin Bell
Прибалтийский синдром.
Книга первая. Черновик

Прибалтийский Синдром

Книга первая: Черновик

Эдвин Белл

© 2026 Эдвин Белл.

Все права защищены.
Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена
без письменного разрешения автора.

Оглавление
Вступление
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17

"Из определения „прекрасное есть жизнь“ будет следовать, что истинная, величайшая красота есть именно красота, встречаемая человеком в мире действительности, а не красота, создаваемая искусством".

Чернышевский, 1853: "Эстетические отношения искусства к действительности".

Вступление

***

Я долго не хотел и не решался подробно рассказывать про эти события, хотя с тех пор прошло уже 25 лет. Сперва я думал, что причиной моего нежелания является то, что я, хоть и находился в эпицентре, не знаю всех деталей произошедшего. Три года назад я подал запрос в архив окружной прокуратуры города Каунаса с просьбой предоставить мне, как родственнику потерпевших и как потерпевшему, доступ к материалам уголовного дела 1999 года. Мой запрос рассматривали почти 6 месяцев и наконец я получил согласие. Я хочу выразить мою благодарность за это господину А.Д., который работает в Министерстве юстиции Литовской Республики. Он приложил немалые усилия для того, чтобы на мой запрос ответили положительно.

И вот я получил копии материалов дела и заполнил некоторые пробелы в моих знаниях о серии убийств, которая произошла в 1999 году в небольшом провинциальном городке Кедайняй. Кроме этого через старых знакомых я получил телефон комиссара Масюлиса, который тогда руководил расследованием. Сейчас он уже вышел на пенсию, но, разумеется, он помнил меня и хорошо помнил все детали того дела. Такие вещи не забываются: слишком много трупов, слишком много статей в прессе, слишком много холодного расчёта и фанатичного безумия.

Я встретился с Арвидом Масюлисом в его загородном саду возле Кедайняй. Мы выпили пива и ещё раз поговорили про старые времена. Масюлис показал мне свою теплицу, где он выращивал огурцы и помидоры, показал ровные грядки клубники, яблони, кусты малины и смородины. Кроме этого, он рассказал мне некоторые интересные детали расследования, которых я тогда не знал.

После нашего разговора я несколько часов бродил по городу. Внешне Кедайняй остался почти таким же, каким он был, когда я ходил в школу в конце девяностых. Все изменения, произошедшие за четверть века, были поверхностными и косметическими: появились новые магазины, были отреставрированы дороги, старые дома на окраине города снесли и вместо них построили многоэтажки.

Я гулял по городу и искал прошлое. Я старался ходить теми же дорогами, которыми ходил убийца. Как паломник, я посещал места преступлений. Я думал: жалко, что город не превратили в музей этой, крупнейшей в истории Литвы резни. Ведь этим можно было бы привлечь немало туристов и хорошо на них зарабатывать. Отметить места преступлений, расположение трупов, поставить таблички, которые подробно объясняли бы все детали преступления: время убийства, причину смерти. Рядом стоило бы повесить фотографии убитого и убийцы, их биографии, их цитаты.

Я пошёл посмотреть на двухэтажный дом, в котором мы тогда жили. Он был уже давно продан другим людям, но внешне изменился очень мало. Затем я поехал к зданию русской школы в Вилайняй. К моему удивлению, школу закрыли, а здание было отдано под центр помощи психически больным детям. Затем я немного погулял по парку Майрониса, который находился рядом. После этого я прошёл на маленькую железнодорожную станцию в 5 минутах ходьбы от парка, сел на скамейку и выкурил сигарету.

Затем я выехал за город, где начинался лес. Там я съехал на узкую песчаную дорогу и доехал до того места, где в 90-х годах находилось старое, заброшенное здание химического комбината.

Я вышел из машины и пошёл вперёд, осторожно оглядываясь по сторонам. К сожалению, здание химического комбината уже давно снесли и на его месте теперь была лишь поляна,

заросшая травой. Однако даже тут остались следы. В некоторых местах из-под земли выглядывали большие плиты, которые когда-то были фундаментом постройки.

Я закатал рукав рубашки и поглядел на запястье левой руки. Перед моими глазами возникли яркие и живые картины. Словно не прошло никаких 25 лет. Словно всё это было вчера.

Неожиданно я почувствовал дрожь и озноб во всём теле. Словно я ещё раз положил свою руку в огонь.

Я немного побродил по лесу, прислушиваясь к шорохам и щебетанию птиц, оживляя мои воспоминания. Потом я сел в машину и поехал обратно в Вильнюс.

Но и после этого путешествия у меня ещё долго не возникало желания полностью закрыть гештальт. Проводя небольшую ретроспекцию, я думаю, что причиной тому является моё глубокое отвращение к литературе в целом. Оно сформировалось у меня 25 лет назад и не исчезло даже сегодня. Большинство людей пишет книги для того, чтобы показать самые худшие черты человеческой личности. Вместо описания гармоничной любви и крепкой семьи, они пишут про половые извращения, вместо персонажей, которые заботятся об окружающих и приносят пользу обществу, — про психически больных маньяков и убийц.

Это порождает новых маньяков, которые вдохновляются описаниями своих предшественников и мечтают их превзойти. Возможно, эта книга тоже родит похожих людей.

Некоторое время эти размышления мешали мне начать работу над книгой. Я думал про мою ответственность перед обществом, думал про возможных подражателей. Но в какой-то момент я понял, что опасения о последствиях не должны лишать людей права знать правду. Лишь тогда я наконец-то преодолел психологический барьер. Осенью 2024 года я сел за компьютер и записал всё так, как оно случилось.

Глава 1

***

Я родился в русскоязычной семье в небольшом литовском городе Кедайняй с населением около 40 тыс. Этот городок находится примерно в часе езды на поезде от Каунаса. Мой отец был военным, а мать — учительницей русского языка и литературы. Незадолго до моего рождения отец развёлся со своей первой женой, Ольгой Мирошниченко, у которой от него остались двое детей — Кристина и Артур. Несмотря на недовольство моей матери, отец постоянно навещал своих детей от первого брака и по-своему их любил. В 1981 году вторая жена моего отца, Галина, родила двойню. Мальчика (это был я) назвали Романом, а девочку — Жанной.

В конце 80-х годов мы с Жанной пошли в русскую школу, которая была в городе всего лишь одна и находилась на другом краю, в районе Вилайняй.

В то время началась перестройка и дефицит всего самого необходимого. Родители часто ругались. В 1990 году, когда мы ходили в третий класс, нам увеличили количество часов литовского языка. Появились наркотики и первые журналы, где можно было увидеть полностью обнажённых женщин. По улицам слонялись группы подростков, которые могли посреди дня приставить к животу нож и потребовать отдать всё, что находится в карманах.

Летом 1991 года, во время ГКЧП, отца послали в Каунас для защиты каких-то государственных объектов. Впрочем, ничего защитить ему не удалось — толпы демонстрантов там были слишком большими. Даже у нас в центре города проходили манифестации. В нашей школе в ночь на первое сентября неизвестные облили двери краской и выбили стёкла. В тот год начало занятий отложили на неделю, чтобы дождаться, пока всеобщее патриотическое возбуждение немного успокоится.

***

В год провозглашения независимости Литвы наш класс уменьшился почти на треть. Многие уехали в Россию или Белоруссию, однако мои родители остались. Между матерью и отцом разгорелись споры, является ли независимая Литва безопасным местом для русских или отсюда надо бежать ради спасения собственной жизни. Отец хотел уехать, и его желание возросло после того, как он был вызван в полицию для дачи показаний о его участии в охране военных объектов в августе 1991 года. Однако расследование против отца быстро закрыли, а мать хотела остаться. Потом мои родители получили литовское гражданство и вопрос с переездом был закрыт.

Наступил 1993-й год. Мать продолжила работать учительницей в русской школе, а отец первое время подрабатывал грузчиком. Затем с парой знакомых он начал бизнес по перевозке подержанных машин из Германии в Литву. Отец сам ездил с напарником в Германию, и почти неделю его не было дома. Когда они возвращались, то приводили машины в порядок в гараже и везли продавать на рынок в Каунасе. Позже когда бизнес пошел хорошо, они начали перепродавать машины в Россию и другие страны СНГ.

В то время мы с Жанной часто заходили домой к Артуру и Кристине, потому что у них было весело. У них несколько раз в неделю собиралась компания мужчин и женщин без определённого рода занятий, шли какие-то пьянки и выяснения, кто с кем переспал и кто кому сколько должен. Мы обычно играли в карты в соседней комнате. Жанна глядела на старшую сестру с покрашенными в розовый цвет волосами и чёрным лаком на ногтях с лёгким восхи-

щением и завистью. Иногда она просила Кристину сделать ей макияж, и та аккуратно подкрашивала её чёрной тушью.

Мать Артура и Кристины, Ольга, недолюбливала нас с Жанной. Особенно сильно она начала нас не любить позже, когда узнала, что у отца появился бизнес. Разумеется наш отец не платил ей никаких алиментов, и Ольга не имела шансов получить деньги через суды, потому что основной доход отца был чёрным. Один раз она пришла к нам домой и устроила скандал, сотрясая воздух криками про безответственных отцов, которые обрекают родных детей на нищету и голод. Безответственного отца, к счастью, не было дома, поэтому выяснять отношения вышла наша мать. Женщины очень быстро нашли общий язык: мать дала ей немного денег на выпивку и попросила нас с Жанной ничего не рассказывать отцу.

В то время, когда Ольга медленно, но уверенно спивалась, её дети были предоставлены самим себе. И Кристина, и Артур старались устроить свою жизнь наилучшим образом, но чем старше они становились, тем хуже у них это получалось.

***

Однажды Кристина пропала на несколько дней. Мы зашли к Артуру, чтобы узнать, что с ней случилось. Сперва он что-то выдумывал, а потом неохотно сказал, что Кристина уехала в Каунас, чтобы сделать аборт.

— Как можно убивать собственного ребёнка? — ужаснулась Жанна. — Разве она не хочет иметь детей?

— Она не знает, кто отец, а значит не получит от него денег, — пояснил Артур. — Такие дети точно никому не нужны.

На следующей неделе я постоянно слышал отвратительные пересуды соседей и родственников про Кристину. Она всегда была несдержанной, говорили они. Затем Кристина вернулась домой. Она выглядела бледной и сильно похудевшей. Мне было жутко интересно, как она забеременела и как прошёл аборт, но спрашивать не имело смысла: Кристина была старше меня на 5 лет и почти не общалась со мной. Разумеется, она не рассказала бы мне те подробности, которые я хотел знать. Однако я видел, что окружающие относятся к ней, словно она совершила какое-то преступление, и немного её жалел.

После беременности и аборта она начала ходить к психиатрам, чтобы разобраться в себе. Это закончилось тем, что ей поставили диагноз ПТСР и анорексия, и отправили на месяц в психиатрическую клинику. Кристина позже очень гордилась этим эпизодом своей биографии и утверждала, что этот опыт откроет ей все двери в мире искусства. В 1994 году она окончила 12 класс, собрала чемодан и уехала к знакомым в Каунас. После этого мы ничего не слышали про неё почти 2 года.

***

В те годы постоянно кто-то умирал или садился в тюрьму. Один из моих одноклассников мечтал, когда он вырастет, стать коллектором. Мы сидели в столовой, и он воодушевлённо рассказывал нам, как коллекторы закапывают людей в лесу по колено в землю или ломают им пальцы. Кто-то возразил ему, что это какой-то садизм и жестокость.

— Это делают с плохими людьми, которые не отдали долг, — объяснил нам Вова.

Один раз мы с Артуром и моим одноклассником Игорем попытались совершить ограбление, чтобы не отставать от сверстников.

Когда мне было 12 лет я часто тусил с Артуром, который был на 3 года старше меня. Он иногда брал меня с собой в компанию парней его возраста, которые курили сигареты, пили пиво и уже обсуждали, что у девушек между ног и как им присунуть.

Я, в свою очередь, познакомил Артура с моим ровесником Саулюсом, который жил неподалёку. К нам присоединился Игорь, который учился со мной в одном классе. Вчетвером мы ходили купаться или играли в баскетбол. Семья Саулюса была одной из тех семей, которые стремительно разбогатели в начале 90-х. Мы часто просили у Саулюса какие-то небольшие деньги на мороженое или ещё какую-нибудь ерунду. Но этого нам было мало. Один раз, когда мы сидели на пляже, Саулюс неосмотрительно рассказал нам, что видел в сейфе у родителей пачки долларов. Много бабла.

Мы посмотрели на него с ненавистью. Этот богатенький педик явно напрашивался на неприятности. Артур спросил у него, когда родителей нет дома и начал уговаривать Саулюса потусить у него. Саулюс, видимо, что-то почувствовал и пытался отказаться. Мы с Игорем помогли Артуру на него надавить, и в итоге он согласился.

Когда мы пришли к нему домой, то я с трудом сдерживал желание помочиться на их дорогие ковры и поломать мебель. Уже тогда я знал, что богатые являются богатыми лишь потому, что украли у других. Эта зависть и желание ломать дорогие вещи не прошли у меня даже тогда, когда мой отец сам стал состоятельным человеком. Я рассуждал объективно и знал, что он тоже украл всё это, как и другие.

Пока Игорь заговаривал Саулюсу зубы и восхищался обстановкой спальни, мы с Артуром нашли сейф. Он был закрыт на обыкновенный замок.

Мы уже не церемонились и начали требовать у Саулюса ключ от сейфа. Сперва он говорил, что не знает, где ключ, но потом уступил нашему давлению и нашёл его. В сейфе лежали какие-то бумаги. Мы переворошили всё, но денег не было.

— И где же эти пачки долларов? — спросил Игорь. — Ты решил над нами поиздеваться, урод?

Саулюс начал клясться, что не врал и действительно их видел. Тогда Игорь отвёл меня в сторону и предложил забрать из квартиры всё ценное, а мудака заманить к реке и утопить.

К счастью, у меня хватило ума отказаться. Идея мне понравилась, но последствия немного пугали. Артур тоже отказался, ещё более решительно. Мы сказали Саулюсу, чтобы он положил ключ на место и никому ничего не рассказывал. Перед уходом я разбил хрустальный бокал, сделав вид, что это получилось нечаянно. Артур со злости незаметно плюнул на ковёр, и мы ушли.

***

В отличии от Кристины, которая, окончив школу, тут же уехала в Каунас, Артур остался в нашем городке и устроился на работу в фирму отца.

Это обстоятельство сильно облегчило мне жизнь. Было время, когда отец постоянно брал меня с собой в гараж, показывал машины, объяснял какие-то технические детали и давал разные мелкие поручения. Однако, к его огорчению, я не проявлял никакого интереса к технике и находил возню под капотом ужасно скучной. Как и любой нормальный подросток, я предпочитал фильмы, книги, футбол или баскетбол, бессмысленную тусню с друзьями возле подъезда, компьютерные игры.

Зато Артур интересовался машинами и техникой. В 16 лет, он окончил 10 классов школы и пошёл в профучилище на автомеханика. Тогда отец отстал от меня и переключил своё внимание на Артура.

Но брату в определённом смысле очень не повезло. Его жизнь с самого детства сложилась таким образом, что он не имел шанса на хорошее образование. Пока Артур два года учился в профучилище, он помогал чинить машины, и ему платили за это небольшие деньги, но по сути он был мальчиком на побегушках у взрослых. Если бы он был старше, то он мог бы получить часть акций и в последующем иметь хороший доход. Если бы он был младше, то после того,

как дела фирмы улучшились, отец, возможно, оплатил бы ему хорошее образование. Однако он попал в самую неудачную нишу времени. Когда перепродажа машин начала давать хороший доход, он по-прежнему возился в гараже с машинами. Артур стал старшим автомехаником, имел двух помощников и получал неплохую зарплату, но это было очень скромным достижением, учитывая то, что его отцу принадлежало две трети акций фирмы.

***

Первые годы были тяжёлыми и опасными. Чтобы выжить в этом бизнесе, нужно было платить и местным бандитам, и полиции. Однако через несколько лет обстановка улучшилась. Лидеры самой крупной бандитской группировки нашего городка сели на пожизненные сроки, и жизнь стала спокойнее. Бизнес отца стремительно рос и давал очень хороший доход в 1995-1997 годах, пока в 1998 году в России не произошёл дефолт. После девальвации рубля экспорт в Россию и другие страны СНГ рухнул. Отцу пришлось перестраиваться на продажу машин на местном рынке и продавать в Латвию и Эстонию.

К 1995 году у отца уже был офис в центре города и почти десяток сотрудников. В следующем году мы переехали из нашей квартиры в пятиэтажке в двухэтажный, частный дом и начали жить с комфортом. В доме была большая гостиная, просторная кухня, на втором этаже у каждого была отдельная комната, комната для гостей, рабочий кабинет отца.

Несмотря на то, что ситуация с криминалом в городе стала лучше, наш дом был похож на осаждённую крепость. Дом окружала бетонная стена с колючей проволокой и сигнализацией, 24 часа в сутки всё происходящее во дворе рядом с домом снимали камеры наблюдения. Немного позже мы усилили меры безопасности видеодомофоном.

Моя мать продолжала работать учительницей в русской школе на полставки, но делала это лишь потому, что любила свою профессию и не хотела заниматься чем-либо другим. Тем более, когда отец решил начать политическую карьеру, это было хорошо для близости к народу и репутации семьи.

В 9-м классе нас с Жанной отправили на курсы английского, затем на курсы компьютерной грамотности. По планам отца, после окончания школы, мы должны были поехать учиться в США или Британию, добиться там успеха и по-настоящему разбогатеть.

***

Я уже писал, что Кристина, после окончания школы, переехала в Каунас, чтобы заняться там каким-нибудь творчеством. Однако из-за нужды в деньгах, она была вынуждена отложить творческие планы и начать бизнес. Через 2 года что-то пошло не так, и Кристина, вместе с двумя бизнес-партнёрами, попала под суд по обвинению в мошенничестве.

Наша сестра отделалась тремя годами условно, благодаря тому, что в то время у отца уже были деньги на хорошего адвоката. Адвокат принёс все нужные справки о тяжёлой судьбе подсудимой, её психическом расстройстве и неполной семье. По итогу он представил Кристину наивной девушкой, которой манипулировали её подельники. Зато он безжалостно потопил в суде других двух парней. Они поехали в тюрьму на 4 и 6 лет, чтобы набраться там криминального опыта.

После того, как суд закончился, летом 1996 года, Кристина пару месяцев жила у нас. Однако она была подвержена резким перепадам настроения, и это делало её пребывание с нами под одной крышей некомфортным. Наконец Кристина заявила, что, для улучшения её состояния, ей нужно вернуться в Каунас и снова направить свою креативность на творчество. Так как она не посещала никаких курсов по рисованию или пению, то Кристина решила, что она должна писать книги.

– И ты собираешься зарабатывать этим на жизнь? – удивился отец.

Кристина кивнула.

– Я уверена, что через пару лет творчество будет приносить мне большие деньги. Книга имеет очень низкую себестоимость, но практически неограниченный круг покупателей. Потому что все умеют читать. Мне нужны лишь небольшие деньги, чтобы снимать квартиру и на что-то жить первые два года. Только не беспокойся, пожалуйста, и не критикуй меня! Потом я всё верну.

Отец отнёсся к этой идее более чем прохладно, но в итоге он сдался и согласился. Видимо, он понимал, что если его дочь снова займётся бизнесом, то это будет стоить ему ещё дороже.

Сделав этот несложный вывод, он согласился платить за аренду однокомнатной квартиры в Каунасе и переводить ей небольшие деньги на проживание. Кристина обрадовалась, поспешно собрала свой чемодан и уехала.

Перед отъездом она угостила нас марихуаной, которую иногда употребляла, чтобы снять беспокойство о жизни и головные боли. В нашем городке в начале 90-х повсюду стояли бетонные каркасы недостроенных домов. Обычно это были просто стены, иногда с крышей, с пустыми отверстиями для окон, через которые мы залезали внутрь. Там молодёжь часто выпивала, или употребляла наркотики. В некоторых каркасах ночевали бездомные.

Мы с Жанной ходили в 9-ый класс и уже были достаточно взрослыми для употребления. Вместе с Кристиной и ещё одним старшеклассником из нашей школы мы залезли в один из таких домов и поочерёдно втягивали горький дым из пластмассовой бутылки. Несмотря на неприятный вкус, изменения реальности мне понравились. Появилось ощущение прочности существования, голоса начали звучать по-другому — теперь они были похожи на музыку. Слова и фразы приобретали второй смысл, о котором я до этого даже не подозревал.

Жанна закашлялась и пожаловалась, что от этой гадости у неё сильно пересыхает рот. Тогда старшеклассник дал ей бутылку пива, чтобы она тоже расслабилась и начала нормально балдеть вместе с нами.

— Приезжайте ко мне в Каунас, когда будет возможность, — сказала нам Кристина. — Там можно оторваться намного лучше. Там интересные люди, с которыми есть о чём поговорить. А тут живут лишь бизнесмены, наркоманы и быдло. И папочка мой тоже хорош. Цветной телевизор, плейстэйшен, компьютер, ещё бог знает какая новомодная хрень. Зачем всё это нужно? Это всё консьюмеризм и понты.

– Правильно, – поддержал её старшекласник. – Я тоже в следующем году хочу поступить в Каунас, или Вильнюс. Там больше толерантности по отношению к неформалам и другим меньшинствам. А тут живёт сплошное быдло, которое может избить за крашенные волосы или серьгу в ухе.

– Наша мать жутко на тебя злится, – сообщил я Кристине.

– Что ты сказал?

Все звуки были какими-то искажёнными в этом состоянии.

– Мать считает, что ты высасываешь из отца деньги, – пояснил я.

– Я не собираюсь выслушивать критику от людей, которые не способны оценить моё творчество, – заявила Кристина.

Её ответ вызвал у нас приступ неудержимого хохота. Старшеклассник держался за живот, у Жанны текли из глаз слёзы.

Позже мы ещё два часа ходили по городу, болтая о какой-то ерунде, пока не устали. Потом воздействие марихуаны прошло, и мы вернулись домой. На следующий день Кристина уехала в Каунас.

***

Весною 1998 года, когда я ходил в 11 класс в моей жизни появилась Вика. Мы познакомились с ней на курсах английского языка, которые проходили в Доме культуры. Вика была из интеллигентной литовской семьи и говорила по-русски очень мило, с акцентом и небольшими ошибками. Она как и я, любила фильмы ужасов и мы вместе поехали на поезде в Каунас, чтобы посмотреть в кинотеатре «Крик-2».

Целоваться мы начали уже во время первой сцены, в которой маньяк убивает парня и девушку в кинотеатре. После этого мы с небольшими отвлечениями посмотрели фильм. Я уже видел его по телевизору, но всё равно с удовольствием смотрел, как Микки, уже сняв маску, убивает Дерика на глазах у рыдающей Сидни, как рассказывает про свои мотивы и планы защиты на суде, как миссис Лумис затем убивает самого Микки. Мы все балдели тогда от этого замечательного фильма.

– Однако первая часть была лучше, – сказала Вика. – Я даже не могу, объяснить почему.

– Потому что в первой части убийцами были школьники? – предположил я.

– Возможно.

Через неделю мы сблизились с Викой ещё больше и нашли место, где можно заняться сексом. Я просто стащил из квартиры ключ от гаража-бокса, где стоял минивэн, используемый перевозчиками для поездок в Германию. Вместо задних сидений в машине лежал матрас на котором мы устроились. Я закрыл дверь и оставил свет включенным, чтобы больше возбуждаться от вида голого зада Вики. Когда мы закончили и оделись, она с литовской практичностью протёрла матрас влажными салфетками.

— Бедный водитель. Ему потом придётся спать на этом матрасе, — огорчённо сказала Вика.

Мой отец за день до этого решительно отказал мне в том, чтобы Вика провела ночь в моей комнате. «Это неуважение к матери», объяснил мне он. После окончания школы я буду жить в студенческом общежитии и смогу водить к себе кого угодно.

Вика была лёгкой в общении, не брезгливой и не заносчивой. Половое приключение в боксе ей понравилось и она сказала, что это намного лучше какой-то романтики в огромной постели и при свечах, про которую рассказывали ей родители. Она попросила меня достать в следующий раз марихуаны, чтобы получить кайф по-настоящему.

***

Жанна тоже начала постоянно встречаться с Алексеем, который учился в одном классе с нами. Однако, в отличии от Вики, парень Жанны родителям категорически не нравился.

Проблема заключалась в том, что после кризиса 1998 года бизнес отца пострадал и ему пришлось перестроиться на внутренний рынок. Тогда он решил заняться политикой и вступил в социал-либеральную партию. Третьим номером в списке отец был избран в городское самоуправление. Однако этого было недостаточно, и он собирался баллотироваться, на выборах 2000 года в Сейм.

В нашем небольшом городке родители Алексея были известны как руководители местного отделения пророссийской организации "Единство". У них в квартире висели российские и советские флаги, там собирались люди среднего возраста, несколько подростков раскидывали их листовки по почтовым яшикам. Со времён Ромео и Джульетты ничего принципиально не изменилось в этих политическо-половых вопросах. Узнав, что его дочь встречается с парнем из неправильной семьи, отец некоторое время терпел это, в надежде, что подростки сами друг другу наскучат. Однако затем он увидел, что этого не происходит и решил принять необходимые меры.

Их отношения не могли быть секретом в таком небольшом городке. Поэтому отец начал искать возможность переубедить дочь с помощью финансового давления. Такая возможность появилась у него перед началом учебного года, когда Жанна вдруг ужасно захотела пойти на курсы современного кино, которые должны были начаться в октябре.

— Я не уверен, что это хорошая идея, — задумчиво сказал отец Жанне. — Ты ведь считаешь себя самостоятельной и считаешь, что можешь поступать так, как тебе захочется. Почему бы тебе самой не заработать деньги на эти курсы, подрабатывая после уроков? У нас не социализм. Сейчас подростки пашут с 14-15 лет, а тебе уже 17.

— Где же я буду пахать? — недоумённо спросила Жанна. — Ну хорошо, если так хочешь, то устрой меня к себе на работу, как свою вторую секретаршу. Мне не трудно.

Отец немного офигел и твёрдо заявил, что вторая секретарша ему не нужна. И потом он повторил намёк: либо она делает, что хочет и зарабатывает на курсы сама, либо она прислушивается к мнению своих родителей и тогда, возможно, родители решат, что курсы современного кино — неплохая идея.

Жанна с кислой миной выслушала его поучения и следующие два месяца про курсы не заговаривала. Потом она пожаловалась мне.

— Это просто невыносимо. Рома, ты ведь знаешь, как я люблю папу и делаю всё, чтобы он чувствовал себя хорошо? Я всегда старалась быть хорошей дочерью. Почему он так со мной поступает?

Она всхлипнула и поспешно вытерла слёзы салфеткой, размазав свой макияж.

— Ты должна думать про его политические интересы, — объяснил я. — Ты ведь можешь найти себе кого-то другого.

— Могу, — согласилась сестра. — Но когда мне препятствуют, то я хочу быть с Алексом ещё сильнее, чем хотела до этого.

Однако пойти на курсы современного кино Жанна хотела не менее сильно. В конце сентября она притащила к нам домой какого-то Бориса и сказала родителям, что теперь она с ним встречается и их дружба уже перерастает в нечто большее. Борис выглядел глуповатым, стеснительным и неловким. Похоже, что он даже не понимал, почему вдруг у Жанны появился к нему такой интерес. Всё это было шито белыми нитками, но вполне устроило отца. Он не был наивен, но ему было достаточно того, что Жанна подчинилась его требованиям и не будет встречаться с Алексом публично. Остальное его не интересовало, при условии, что у дочери не случится незапланированной беременности. Уже на следующий день он напомнил Жанне, что она хотела пойти на какие-то курсы современного кино и сказал, что их оплатит.

С его точки зрения, в семье всё наладилось. Кристина опубликовала свою первую книгу и тоже начала встречаться с каким-то парнем своего возраста, который рисовал картины. Артур нашел себе подружку, на которой собирался жениться. Отец обещал ему, что поможет с деньгами на покупку квартиры на краю города.

Глава 2

***

Конец 1998 года мы праздновали всей семьёй дома, весело и беспечно, ничего не подозревая о том, какая катастрофа надвигается на нас в наступающем году. Мне бы очень хотелось сказать, что уже тогда я почувствовал в воздухе некую напряжённую атмосферу: неловкое молчание, неуместное и наигранное веселье, или ещё что-то похожее. Разумеется, ничего этого не было и я не хочу что-то выдумывать задним числом. Всё было совершенно нормально и естественно.

Родители разрешили мне пригласить Вику, а Артур привёл на Новый год свою девушку, Оксану. Жанна сказала, что Борис, к сожалению, прийти не может, хотя я уверен, что она его даже не приглашала. Кристина приехала из Каунаса одна и сказала, что её парень передаёт всем привет, но сам должен провести новый год в компании очень близких друзей. Ещё пришёл наш дедушка со стороны матери, который 2 года назад вышел на пенсию, и наша тётя Марина Александровна со своим мужем.

Мы сидим в гостиной за большим круглым столом. Мать выпила уже три бокала шампанского и находится сильно навеселе. Отец, тётя и её муж вышли на балкон покурить и о чём-то громко разговаривают. Виктория заинтересованно слушает Артура, который рассказывает ей про какой-то фильм ужасов, и иногда вставляет короткие реплики. Она немного смешно говорит по-русски, но её акцент милый, и окружающие улыбаются. Кристина немного скучает и рассеянно оглядывается по сторонам, словно она забыла, где находится. Жанна о чём-то расспрашивает Оксану и они обе смеются. Слева от меня дедушка Григорий в очередной раз рассказывает мне истории про послевоенный голод в Казахстане, а затем начинает хвалить Сталина, который бы поставил к стенке нынешнее политическое жульё.

— Я не про Виктора, — объясняет дедушка, чтобы я не подумал на отца. — Он просто часть системы. Сперва они всё разворовали при Бразаускасе, а сейчас доворовывают при Ландсбергисе...

Я какое-то время слушаю его одним ухом. С балкона возвращаются отец, тётя Марина и её муж — дядя Ричард. В телевизоре появляется Ельцин и хриплым голосом поздравляет дорогих россиян с Новым годом, который обязательно будет лучше предыдущего. Все смеются, и мама начинает накладывать в тарелки оливье. Ельцин выглядит не менее поддатым, чем мы, и это создаёт ощущение его единства с народом.

Под звон кремлёвских курантов отец открывает ещё одну бутылку вина и разливает его по бокалам. Вика спрашивает, почему русские пьют вино вместо водки, и все смеются. Однако после того, как слово «водка» произнесено вслух, всеми овладевает беспокойство. Наконец мать приносит бутылку "Горбачёва" и, под радостные возгласы, разливает её по рюмкам. Все начинают чокаться и видимо намерены хорошо нажраться. За столом всё гудит, и разговоры становятся всё более бессвязными и идиотскими.

— Вы действительно не пили бы водки, если бы я не сказала? — Вика, запинаясь и путая окончания слов, пытается выяснить у моего отца причинно-следственные связи произошедшего.

Когда через час на экране появляется Бразаускас, дядя Ричард уже напился настолько, что путает его с Ельциным и начинает ругать «проклятого алкоголика». Бразаускас медленно и важно рассказывает нам про развитие страны и проблемы, которые мы испытываем на пути в Европу. Его практически никто не слушает.

После того, как небо озарили первые фейерверки, мы разбились на группы. Отец с Артуром и Кристиной вышли на балкон. Мать с дедушкой Григорием и Мариной отправились на кухню. Дядя Ричард подсел ко мне с Жанной и Викой.

– Куда собираешься поступать после школы? – спросил он у меня.

Я ответил, что попробую поступить на юридический факультет в Вильнюсе. Дядя Ричард кивнул.

– Это правильно. В этом новом мире никто не будет жить хорошо, кроме юристов, информатиков и менеджеров. Такую страну развалили! А ты тоже? – спросил он у Жанны.

– Я люблю кино! – заявила сестра. – Сейчас я посещаю курсы современного кино и уже умею работать с камерой, знаю, как писать сценарий. Нас учат там минимализму французской новой волны, нелинейному монтажу…

– Чему? – переспросил дядя.

– Обрабатывать видео на компьютере, – пояснила Жанна. – И ещё учат визуальному повествованию и размытию границ. Ну и, конечно, питчингу. Питчинг это способ очень коротко презентовать свою идею инвестору. И кроме этого...

Тут Жанна заметила, что дядя смотрит на неё так, словно она рассказывает ему про посещения свингер-клуба и спохватилась.

– Но я тоже собираюсь поступать на юридический факультет. А кино я займусь позже.

– Это правилъно, – облегчённо выдохнул дядя Ричард. – А ведь девушкам ещё и детей рожать нужно. А Артур ведь уже жениться собирается…

– Собирается, – подтвердила Жанна.

– У него есть работа и нормальная зарплата, почему бы и нет. Это ведь его невеста тут? Забыл, как её зовут…

– Оксана, – подсказал я.

– Оксана. Очень хорошая девушка. Жалко только, что его сестра никак не может найти себе подходящего занятия… А ведь я помню, что в детстве Кристина была очень способной. До 11 класса. Потом всё это и началось…

– У неё такой образ жизни, – объяснил я. – Она хочет жить без капиталистического угнетения.

Дядя яростно потянулся за бутылкой водки и налил нам всем троим.

– Вы просто нихера не понимаете, как мы жили! Нас ведь никто не спрашивал, чего мы хотим. В наше время ей бы просто вправили мозги в колхозе, и так было бы лучше для неё самой!

В этот момент мы заметили, что Артур стоит рядом и слушает наш разговор. Дядя Ричард посмотрел на него мутным взглядом. Артур сел рядом с нами и дядя Ричард налил ему водки.

– Разве я неправильно говорю? – спросил он Артура.

Артур был лишь умеренно пьяным и мог формулировать свои мысли гораздо лучше.

– Ты не понимаешь, что у Кристины психологические травмы и проблемы? – спросил он дядю. Артур начал перечислять, загибая пальцы: – Развод родителей, аборт, плохая компания, с которой она связалась в Каунасе. Мы должны быть рады, что она пытается найти себя в творчестве и справиться со своими проблемами.

– Что ты несёшь? Ты не понимаешь, что психические проблемы выдумали женщины для того, чтобы манипулировать мужчинами? Нету никаких психических проблем! Есть только выебоны и недоёб, блять!

– Ты сколько выпил? – спросил Артур. – Что ты несёшь?

– Я тоже девушка, и я согласна с этим, – вдруг заявила Жанна. – Человек должен справляться со своими психическими проблемами сам, а не сваливать их на окружающих. И тем более взрослый человек не должен жить за счёт других людей.

Дядя Ричард торжествующе посмотрел на Артура.

– Понял? Раз Жанна с этим согласна, то тебе точно стоит заткнуться! Всё! А почему бутылка пустая? Что мы сейчас будем делать?

Я принес из холодильника пиво. Чтобы не нагнетать атмосферу ещё больше и сгладить разногласия, мы заговорили про политику.

Глава 3

***

В начале 1999 года в Вильнюсе произошло первое убийство. Тогда ещё никто не видел связи этого убийства с будущими преступлениями. Полиция даже не сочла эту смерть убийством. В середине февраля в своей квартире умер 63-летний пенсионер, Антанас Мачюс. Мужчина был разведён и жил один, злоупотреблял алкогольными напитками. На его теле не обнаружили следов насилия. Смерть наступила в результате остановки сердца. Аутопсия не проводилась.

На тот момент ешё не было известно, что за месяц до своей смерти Антанас Мачюс зашёл в типографию на улице Басанавичюса, 13 и попросил напечатать в виде книги в мягкой обложке 3 экземпляра его рукописи на русском языке. Секретарша обьяснила ему, что минимальный заказ у них 10 экземпляров и назвала цену. Мачюс ушёл и вернулся примерно через час. Он сказал, что готов заплатить за 10 экземпляров в виде книги в мягкой обложке и хочет также получить ISBN. Секретарша с некоторым подозрением посмотрела на неопрятно одетого мужчину, который говорил на литовском, но заказывал печать книги на русском.

Секретарша сделала копию паспорта Антанаса Мачюса и приняла от него 360 литов наличными, обьяснив, что для получения ISBN, Антанас Мачюс должен отправиться в Национальную библиотеку Литвы имени Мартинаса Мажвидаса и заполнить там специальную анкету.

Согласно требованиям закона, для регистрации ISBN, 5 экземпляров его книги будут отправлены в архив национальной библиотеки.

Антанас Мачюс выполнил все эти требования. За две недели до своей смерти он в последний раз пришёл в издательство и забрал 5 экземпляров книги. Оставшиеся 5 экземпляров были отосланы в Национальную библиотеку.

Но только в середине мая, когда начались убийства в Кедайняй, полиция поняла связь между этими событиями.

***

Я очень хорошо помню тот день, среду 17 мая, когда всё началось. Убийца уже совершил первое преступление и остался безнаказанным. После этого он почувствовал вкус крови и был полон решимости осуществить свой план.

В тот день в нашей школе случился небольшой скандал. В 11:30 вместо урока литовского языка нас направили в большой актовый зал, который использовался для уроков музыки, а также для крупных мероприятий и собраний. В зале были рядами расставлены длинные деревянные скамьи, с откидными креслами. Там уже сидели ученики 10-х и 11-х классов. Никто толком не знал, что будет, но все были довольны отмене уроков.

Слева от меня сидела Жанна, а справа — Миша. Трое наших одноклассников и ещё двое учеников 11 класса вышли на сцену и получали последние наставления от учительницы литовского языка.

— Давай как-нибудь уйдём отсюда, — прошептал мне в ухо Миша. — Зачем вообще нас сюда привели?

Я помотал головой.

— Я уже вчера пропустил пару уроков. А куда ты хочешь идти?

— К Алексу. У него уехали родители и можно выпить. Жанна, пойдёшь? Ты же с ним дружишь. Или уже нет?

— Уже нет, — раздражённо ответила Жанна. — И ты никуда не уйдёшь! Сейчас нам будут промывать мозги на тему гражданского самосознания. Ты сознательный?

— Они совсем охренели! — возмутился Миша. — И мы будем слушать это дерьмо? Рома, ты русский вообще? Или ты уже стал прибалтом?

Я не успел ничего ему ответить. В этот момент учительница добилась тишины, и в зале заиграла тихая, меланхоличная музыка. Наша одноклассница Анна начала читать какой-то плаксивый стих на литовском. Я прислушался и пытался понять, про что этот стих и что она хочет нам сообщить. Анна закончила, и эстафету перенял Дмитрий. Он читал ужасно: запинаясь, поправляя сам себя и неправильно ставя ударения. Однако именно на его части выяснилось, что моя сестра и Миша были правы. Нам читали какую-то жуткую поэму о жертвах 13 января 1991 года. Про целых пять человек — мучеников Литвы, которые, согласно официальной версии, были убиты советскими военными при защите вильнюсской телебашни.

В зале начался недовольный гул. Учительница химии громко потребовала тишины, но гул не прекратился. В преступлениях обвиняли СССР, а значит, в них обвиняли нас. Мы мало интересовались политикой, но интуитивно понимали, что это является актом антирусской агрессии, замаскированным под театральное представление.

После Дмитрия продолжил Кирилл. Он бодро зачитал нам про то, как советский танк подло раздавил беременную Лорету Асанавичюте. В этот момент зал не выдержал. Мы начали открыто смеяться и свистеть, как недовольные игрой команды футбольные фанаты. Кто-то кинул на сцену бумажный самолётик. Раздались крики "Ложь!" и "Свои стреляли в своих!".

Чтецы на сцене растерянно переглядывались. Анна и Дмитрий, которые уже закончили свою часть, нерешительно отступили к краю сцены. Кирилл мужественно продолжал читать, но что-то разобрать было уже невозможно. Задавил ли этот танк кого-то ещё? Или кого-то убил снайпер?

Всё было очень плохо. Учителя не стали прерывать выступление, видимо испугавшись, что их вмешательство сочтут антигосударственным актом. Впрочем, хорошего решения у них в этой ситуации не было. Директор школы сидела в первом ряду, красная от злости. Кирилл кое-как дочитал свою часть до конца и очередь перешла к девочке из 11 класса. Зал продолжал шуметь. Из глубины зала кто-то обозвал выступающих "предателями".

Наконец поэтические мучения закончились, и чтецы поспешно покинули сцену. Учительница химии вышла на подмосток и грозным голосом отругала нас за неуважение к памяти погибших. Зал немного притих.

Учительница ещё несколько минут ругала нашу несознательность, угрожая карами и последствиями. Однако наши действия были коллективными, и поэтому было невозможно кого-то за них наказать. Раздался звонок на перемену, и нас отпустили.

***

В коридоре нас догнал Алекс.

— Как вам это понравилось? — спросил он. — Замечательный скандал! Неужели никто не снял это на камеру?

Мы проталкивались через толпу малышни, которая пихала нас локтями.

— Что будет с этими предателями, которые зачитывали стихи? — спросил я. — Вы теперь будете вылавливать их и бить?

Все засмеялись.

— Не подавай ему идей, — попросила меня Жанна.

Она вместе с Мишей вошла в класс. Алексей придержал меня за рюкзак.

— Подожди. Я хочу тебя кое о чём спросить.

Я посмотрел на него.

— Про что?

— Давай куда-нибудь отойдём, где нам не будут мешать.

Я пожал плечами. Мы пошли по коридору обратно и вышли на улицу. Возле школьного забора курили несколько старшеклассников. Мы зашли за угол и сели на скамейку.

Я догадывался, о чём он будет меня спрашивать, и Алекс оправдал мои ожидания.

— Слушай, твоя сестра сейчас с кем-то встречается?

Я пожал плечами.

— При чём тут я? Ты можешь спросить об этом у неё.

— Не могу. Ты знаешь, что она со мной не разговаривает. Рома, пожалуйста. Просто скажи, да или нет. Я больше ничего спрашивать не буду.

Мне не хотелось отвечать ему и ввязываться во все эти дела. Но Алексей упрямо наседал на меня. Наконец я сдался.

— Она приводила домой одного парня. Но вряд ли между ними что-то серьёзное. Всё? Тебе хватает такого ответа?

Он напряжённо о чём-то размышлял.

— Хватает.

Неожиданно я увидел в его глазах боль. Неудивительно, подумал я. Его принцесса спасовала перед волей отца и променяла его на курсы современного кино. Впрочем чего ещё он ожидал?

— Пошли в класс, — сказал я ему. — Больше ты всё равно ничего от меня не добьёшься. Кстати, у тебя ведь уехали родители?

— Да. А что?

— Мы купим алкоголь и можем выпить у тебя.

Алекс немного оживился.

— Я только рад. Постарайся уговорить Жанну, чтобы она тоже пришла.

— Постараюсь, — пообещал я.

***

После уроков я пошёл домой, а Жанна отправилась на курсы современного кино. Она сказала мне, что сегодня у них будет какая-то важная практика, связанная с французской новой волной.

Когда я вернулся домой, мать сидела в гостиной, на первом этаже и разговаривала с кем-то по мобильному. Когда я вошёл, она положила трубку.

— Что у тебя нового в школе? — рассеянно спросила мать.

Она и сама всё знала, так как работала там учительницей. Я ещё раз, с удовольствием и деталями, пересказал ей произошедшее.

— Что ещё? — спросила она.

— На уроках гражданской обороны нам рассказывали, как выжить после ядерного удара, — сообщил я. — А контрольную по литовскому языку отменили.

— Молодцы. Я рада. И сходи поскорее в душ.

Я поднялся на второй этаж быстро помылся в душе, переоделся и закрылся у себя в комнате.

***

Когда я вернулся в гостиную, то мать уже куда-то ушла, а отец вернулся.

— Жанна должна была вернуться полчаса назад, — сказал отец не тратя время на вопросы про школьный день. — Ты можешь написать ей смс и спросить, куда она пропала?

Я предположил, что её курс современного кино немного затянулся и она просто не успела на автобус.

— Напиши ей и спроси, — настоял отец. — Ты же знаешь, как она относится, если я пишу ей и спрашиваю, где она?

Я пожал плечами и написал Жанне смс. Отец в это время что-то искал на кухне, но так и не нашёл. Затем он вернулся в гостиную и спросил.

— А как ты думаешь, она больше не интересуется Алексеем?

Мне пришла в голову дурацкая мысль, что задержка после курсов кино может быть как-то связана с Алексеем, но я решил промолчать, чтобы не накалять обстановку.

— Я не видел их вместе. Только на уроках, — сказал я. — Больше я ничего не знаю.

Тем временем Жанна уже написала мне, что она задерживается, потому что после курса они зашли посидеть в кафе. Отец махнул рукой и пошёл в свой кабинет.

***

Вечером, после ужина, я играл в гостиной в "Контр-Страйк", когда ко мне подошла Жанна.

— Я хочу с тобой поговорить, — сказала она. — У тебя есть время?

— Ты и так сейчас со мной говоришь, — ответил я не отрываясь от игры.

Жанна раздражённо поглядела на меня и сделала движение, словно хотела вырвать у меня из рук джойстик.

— Ладно-ладно, — я поставил игру на паузу. — Что случилось?

— Идём, — она мотнула головой и пошла наверх. Мы зашли в её комнату и уселись на кровать. Жанна взяла со стола книгу и протянула её мне.

— Вот что случилось. Прочитай третий рассказ, с 38-ой страницы.

На обложке книги, которую мне дала Жанна, были нарисованы силуэты многоэтажных домов и нависающая над ними огромная луна.

"Дожди: сборник рассказов. Автор: К. Грищук".

— Я понимаю, что у неё проблемы, но это не смешно. Это просто ненормально и... — Жанна запнулась. — Ладно. Почитай сам и реши, что нам делать.

***

Прежде чем начать читать, я внимательно осмотрел книгу. Она была в тонкой бумажной обложке, на обратной стороне стояла печать типографии. Обыкновенная книга. Почти новая.

Чем же творчество Кристины так поразило мою сестру? Я открыл книгу на 38-ой странице и погрузился в чтение.

Глава 4

***

"Резня в Кедайняй" из: "Дожди", сборник рассказов. К. Грищук. Стр. 37-43. Самиздат, Вильнюс 1999

Резня в Кедайняй

***

Когда Григорий Киров ехал на автобусе домой, он не подозревал, что сегодня станет первой жертвой серийного убийцы, но он боялся, что случится что-то плохое. Последние два дня ему казалось, что за ним следят, и эти подозрения не были беспочвенными. Откуда у него появилась эта паранойя, в старости, когда людям, наоборот, кажется, что они никому не нужны?

Убийца, который уже неделю наблюдал за ним, знал все его привычки. Он знал, в какое время и какие передачи смотрит Григорий, когда он идёт в магазин за пивом, в какие дни он ездит в свой загородный сад и когда возвращается.

Убийца часто менял свою одежду и внешность, чтобы не примелькаться параноидальному пенсионеру.

Несколько дней назад он даже сел в автобусе на сиденье прямо за Григорием. Он глядел на его лысый затылок и испытывал возбуждение, близкое к сексуальному.

Когда Григорий встал, он подозрительно обернулся в дверях, чтобы увидеть, кто выходит следом за ним. Убийца остался сидеть на своём месте и с трудом удержался от того, чтобы не ухмыльнуться.

В животе у убийцы покалывало и засасывало от мысли, что всё начнётся так скоро. Это ощущение было приятным и обжигающим, похожим на первую любовь.

Но в тот день Григорий Киров напрасно разглядывал пассажиров автобуса. Смерть подстерегала его в другой день и в другом месте.

***

В среду, 16 мая, убийца был особенно осторожен. Он надел широкий свитер с капюшоном и издалека наблюдал, как Григорий возвращается из магазина. В пальцах не проходила лёгкая дрожь. Когда Григорий скрылся в подъезде, убийца закурил сигарету и огляделся по сторонам.

Григорий зашёл в квартиру и закрыл за собой дверь. Всё было, как обычно. Он проверил печенье под ковриком, в коридоре, достал из холодильника водку, устроился на диване и включил телевизор. Григорий смотрел новости, где скорее всего, как обычно, рассказывали про про войну в Югославии, до тех пор, пока не задремал.

И даже если предположить, что он не задремал, он всё равно был слишком пьян, для того, чтобы услышать, как убийца открывает дверь.

Когда Григорий проснулся, то увидел существо в чёрной маске, с прорезами для глаз. Существо склонилось над ним с ножом в руке.

— Привет, — поздоровалось существо. — Как дела? Ты узнаёшь меня в этом костюме?

Григорий узнал голос из-под маски, но не успел ничего ответить на эти вопросы. Стремительным и резким движением убийца воткнул нож ему в живот. Старик скорчился от ужасной боли и ощущения, что его кишки выпадают наружу.

Убийца выдернул нож из живота и хлынула кровь. Существо в маске сделало шаг назад, чтобы не испачкаться, а затем вонзило нож Григорию в шею.

Старик попытался зажать рану ладонью, но его рука онемела. Через секунду в глазах потемнело и он шмякнулся на пол.

Убийца добил его третьим ударом в область сердца. Затем он немного осквернил мёртвое тело, помыл в раковине нож и внимательно осмотрел свою одежду.

Когда убийца покинул подъезд, то свернул направо и через пару минут зашёл в небольшой парк. У входа стояла кабинка биотуалета. Он быстро оглянулся по сторонам и зашёл внутрь. Там он снял парик, тёмные очки и широкий свитер, который скрывал фигуру.

На свитере осталось несколько брызг крови, но это было не важно. Свитер всё равно будет утилизирован.

Он сложил вещи в рюкзак и направился по своим делам.

***

Тех, кто нашёл тело Григория чуть не стошнило от того, что они увидели.

***

На следующий день убийца проснулся рано. Он ощущал легкость и эйфорию. Он чувствовал себя, как человек, который купил билет в дальний город и сел в автобус. Двери закрылись и водитель нажал на газ. Пути назад уже не было.

Григорий Киров не был первой жертвой. Первым был другой пенсионер. Опустившийся алкоголик, который был готов отсосать первому встречному за бутылку водки.

В феврале этот пенсионер оказал убийце одну услугу и после этого умер. Его смерть признали естественной.

Убийца ещё раз вспомнил тот февральский день: пасмурное небо, мелкую пургу, размытый свет фонарей. Он пришёл к нему в гости поздно вечером и предложил выпить. Когда пенсионер начал задыхаться убийца достал телефон и сделал вид, что пытается набрать номер скорой. Напрасная предосторожность. Уже через минуту пенсионер корчился в предсмертных судорогах на полу.

Потом убийца надел перчатки и тщательно вытер полотенцем все места, где он мог оставить отпечатки пальцев. Он забрал на память одну рюмку, но потом решил не рисковать и выбросил её в мусорный контейнер.

Ему не были нужны вещи для того, чтобы переживать заново эти прекрасные моменты. Он знал другие способы.

Например написать про это рассказ, который описывает не прошлое, но будущее. Будущее, которое родилось у него в голове и шаг за шагом превращается в реальность.

Половина пути уже была пройдена. Оставалось сделать всего два шага.

***

В понедельник, 21 мая, Галина Грищук, после окончания уроков, шла через большой парк, который находился возле школы. В этот момент она даже не думала про убийство отца, её мысли были заняты совсем другим.

Чтобы дойти до автобусной остановки, которая находилась на другом краю парка, ей нужно было пройти по узкой тропинке, которая извивалась среди высоких кустов. На секунду она остановилась и задумалась. Она могла обойти это место другой дорогой, но это заняло бы лишние пять минут и она могла опоздать на автобус.

Она решительно пошла вперёд, ветки кустов задевали одежду. Она уже прошла большую часть пути, когда вдруг услышала слева шорох и ломающиеся ветки.

Через секунду существо в длинном чёрном халате и маске сбило её с ног и повалило на землю. Она попыталась закричать, но существо вонзило нож ей в горло раньше, чем она это сделала. Кровь брызнула струёй из пробитой артерии. Галина издала звук, похожий на мычание коровы, и обмякла.

Существо нанесло ещё несколько ударов в живот и грудь. После этого тело женщины в последний раз дёрнулось в предсмертных судорогах и замерло.

Убийца быстро снял с себя маску, испачканный кровью халат и перчатки и принял свой обычный вид. Он запихнул вещи в рюкзак и поспешно зашагал к выходу из парка.

***

После второго убийства началась настоящая паника. Теперь все воспринимали это произведение всерьёз. Те, кто ещё были в живых тщательно перечитали рассказ, в поисках любых деталей, которые помогут им предотвратить следующее убийство.

Однако имени следующей жертвы в рассказе не было. Тот, кто написал рассказ и спланировал эти убийства называл её просто жертва.

Следующая жертва меньше всего ожидала, что убьют её, но это произошло.

***

Жертва чувствовала себя в относительной безопасности. Ранним утром она шла по пустым улицам к условленному месту. Она избегала центральных улиц, где мог быть полицейский патруль и предпочитала идти в обход.

Наконец жертва подошла к старому, полуразрушенному зданию и вошла внутрь.

Тут было безопасно.

Она нашла старый рваный матрас, почистила его и устроилась в одной из комнат. Времени было много.

Наконец внизу раздались шаги. Жертва встала и осторожно выглянула в коридор. Там стоял тот, кто уже убил двоих людей.

— Привет, — сказала жертва. — Всё в порядке?

Убийца кивнул и зашёл в комнату.

— Лучше собираться и ехать сразу. Вечером на улицах будет больше полиции. Нас ждут внизу. Пойдёмте.

Жертва взяла сумку и вышла из комнаты. Когда она спускалась по лестнице, то вдруг ощутила ослепительную боль. Убийца вонзил нож ей в живот.

— Неожиданность? — спросил он и засмеялся.

Он выдернул из живота нож, хлынула кровь. Жертва упала на пол, а убийца, не желая испачкаться, надел перчатки, схватил крупный камень и размозжил жертве голову.

Затем он потащил тело туда, где его некоторое время никто не должен был найти.

На этом кровавый проект был окончен.

Глава 5

***

— Что ты думаешь? — спросила Жанна, когда я закончил читать.

Я закрыл книгу, испытывая сложное чувство, которое я с трудом могу описать даже сейчас. Неужели Кристина действительно написала этот мерзкий текст? Раньше она писала странные вещи, но не такое.

— Эта книга пришла по почте? — спросил я. — Когда?

Жанна достала из ящика стола большой, разорванный конверт и протянула его мне.

— Было выслано 3 дня назад. Я нашла это утром в почтовом ящике и взяла с собой в школу. Но времени не было, и я прочитала это только сейчас, вечером. Остальные рассказы совершенно не интересны.

— Странно, — пробормотал я.

Я ещё раз пробежал глазами этот короткий рассказ. Если человек – это стиль, то какой человек мог скрываться за этими строками? Знал ли я его лично?

В рассказе убивали дедушку Гришу, нашу маму и ещё двух людей, имена которых не назывались.

— Наверное, это какая-то дурацкая шутка, — сказал я.

Жанна предложила себе под спину подушку, приняла сидячее положение и посмотрела на меня.

— Что мы будем делать? — спросила она.

Я задумался. Потом сказал.

— Если мы скажем родителям, то отец может разозлиться и перестать помогать Кристине деньгами. На пособие по безработице она будет голодать. У нас тут не Европа.

— Ну, ей уже 23 года, и она могла бы начать зарабатывать себе на жизнь сама, — сказала Жанна.

— Она не может, потому что ненавидит капитализм и не хочет подвергаться угнетению, — объяснил я.

Затем я предложил сестре на выходных поехать в гости к Кристине в Каунас и поговорить с ней об этом. Кристина жила в однокомнатной квартире, но имела пару матрасов, и когда-то мы ночевали у неё.

Жанна энергично помотала головой.

— А если это написала она? Сам можешь к ней поехать. Я точно не хочу ночевать у человека, который пишет рассказы про то, как моей матери перережут горло. Плевать, что она моя сестра по отцу. Есть ведь какие-то границы. Зачем писать гадость, про то, как членов твоей семьи режут и потрошат им кишки? Это, в её понимании, творчество? Разве писатели, которых мы читаем на уроках литературы, такое писали?

Я напомнил ей, что у Достоевского Раскольников убивает двух старушек.

— Кристина немного странная, но не агрессивная и ещё никому не причинила зла, — сказал я.

Жанна взлохматила свои рыжие, кудрявые волосы и обхватила голову руками.

— Если Кристина действительно это написала, то ей нужна помощь. Я не ненавижу её, как ты, наверное, думаешь. Просто не хочу иметь с ней ничего общего. Понимаешь?

— Год назад она была нормальной, — сказал я. — Давай пока ничего не говорить родителям? Просто оставим всё, как есть. Потом я навещу её и поговорю с ней. Хорошо?

Жанна неожиданно согласилась. Мы ещё немного поболтали с ней, и я отправился в свою комнату.

***

Я разделся, лёг в кровать и накрылся одеялом.Окно было приоткрыто, и в комнату проникал прохладный воздух. Я взял в руки книгу и ещё раз перечитал рассказ «Резня в Кедайняй», который начинался на 37-ой странице и кончался на 43-ей. Потом я начал читать другие рассказы. Их было всего 12.

В других рассказах я не нашёл ничего интересного. Но один из них, который назывался «Подмена», показался мне знакомым. Я напряг память и попытался вспомнить: где я уже сталкивался с этим дурацким сюжетом? Женатому мужчине подкладывают под двери младенца, и он думает, что его сын от любовницы. Мужчина несёт младенца в приют, чтобы оставить его у дверей. Однако по дороге он проникается к младенцу жалостью, меняет своё решение и возвращается с ним обратно. Тут выясняется, что ребенок не от любовницы, а его просто оставила возле дверей соседка.

Хаха. По задумке автора, это, видимо, должен был быть очень смешной конец.

Мне стало холодно. Я надел майку, закрыл окно и снова устроился в постели. Неужели Кристина могла написать столь бездарную чушь? Мне стало немного её жалко.

А потом я вспомнил. Чёрт!

Я вскочил с постели и достал из ящика учебник русской литературы для 11-12 классов. Это была толстая хрестоматия, в которую входили многие произведения, которые мы не проходили на уроках литературы.

Наконец я нашёл то, что искал.

Антон Павлович Чехов. «Беззаконие». 1887 год.

Я положил учебник в мой школьный рюкзак, а книгу на столик, лёг в постель и выключил свет. В коридоре ещё раздавались голоса и шаги.

Я думал, что буду не спать полночи, как это часто бывает в таких случаях. Однако вырубился очень быстро.

***

Следующим утром всё было, как обычно. После завтрака мы, вместе с Жанной, вышли на улицу и направились к автобусной остановке. Политические амбиции отца были виной тому, что мы должны были ездить в школу на общественном транспорте, чтобы не выглядеть привилегированными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.